КІЕВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

16-го Апрѣля **№ 8.** 1878 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

БЕСѢДА

въ день Св. Пасхи.

Христосъ воскресе!

Не сонъ ли это, не видѣніе ли предъ очами нашими? Еще за нѣсколько часовъ назадъ мы пѣли здѣсь плачевныя пѣсни надъ мертвеннымъ изображеніемъ Богочеловѣка,—и вдругъ—самъ себѣ не вѣришь—какая перемѣна! какія райскія радости, какое небесное ликованіе! Отъ чего это? Отъ чего сердце такъ трепещетъ и душа торжествуетъ? Откуду намъ сіе? Отвѣтъ на это даетъ намъ Св. Церковь, поминутно повторяя: «Христосъ воскресе! Христосъ воскресе!»

Вотъ отъ чего, бр., произошла такая необычайная перемѣна. Вотъ гдѣ зачатокъ тѣхъ священныхъ восторговъ, которые даются не во всякое время на землѣ! Но возвратимся, возлюбл., къ той блаженной минутѣ, съ которой началось это свѣтлое торжество.

Въ самую полночь, среди тишины ночной, раздается звонъ колокола, напоминая собою ту глубокую ночь, когда

потряслась земля и сошелъ съ небесъ Ангелъ, отвалившій камень отъ двери гроба Господня (Матѳ. 28, 12); священнослужители, облеченные въ свѣтлыя ризы, въ память ангеловъ, представшихъ муроносицамъ въ ризахъ блестящихся (Лук 24, 4), съ пѣніемъ обходятъ вокругъ храма. Для чего это? Чтобы напомнить намъ св. женъ муроносицъ, которыя, *во едину отъ субботъ, зѣло рано, еще сущей тьмѣ*, искали *тѣлесе Господа Іисуса* (Іоан. 20, 1; Лук. 24, 1—3) и первые увидѣли камень отваленный отъ гроба. Посему священно-служители, ставъ у затворенныхъ дверей храма и осѣнивъ ихъ честнымъ крестомъ, отверзаютъ, во образъ камня, отваленнаго ангеломъ.

И входимъ во храмъ и видимъ его отъ низу до верха усѣяннымъ безчисленными огнями, въ знакъ того, что темное царство сатаны пало и люди начинаютъ ходить въ свѣтѣ лица Господня; ибо, чрезъ воскресеніе Искупителя нашего, «вся исполнишася свѣта—небо же и земля и преисподняя».

Здѣсь же видимъ мы частое кажденіе съ предносеніемъ честнаго и животворящаго креста, въ знакъ того, что рай сладости и древо жизни, утраченные Адамомъ, уже возвращены, такъ что благоуханіе ихъ уже достигаетъ нашего чувства.

Видимъ также, что царскія врата олтаря чрезъ цѣлыя семь дней, бываютъ отверзты, въ знакъ того, что отнынѣ для насъ небо отверзто. И вѣрующее сердце, бр., зритъ нынѣ самое существо сей истины; оно, въ сладкомъ чувствѣ упованія и неизглаголанной духовной радости, видитъ, какъ за Побѣдителемъ смерти текли нѣкогда веселыми ногами освобожденные узники ада.

Послѣ высокихъ и сладкихъ для души пѣсней пасхальныхъ, изъ коихъ каждая отзывается въ нашемъ сердцѣ,

храмъ Божій, представляетъ зрѣлище, вполнѣ достойное столь великаго торжества, когда всѣ мы, какъ чада одной матери, обращаемся другъ къ другу съ святымъ лобзаніемъ, повторяя: «Христосъ воскресе! воистинну воскресе!» «Воскресенія день,—взываетъ Церковь,—и просвѣтимся торжествомъ и другъ друга объимемъ, рцемъ: братіе! и ненавидящимъ насъ простимъ вся воскресеніемъ и тако возопіимъ: Христосъ воскресе изъ мертвыхъ»...

А этотъ семидневный звонъ, въ знакъ побѣды надъ исконнымъ врагомъ—діаволомъ, этотъ благочестивый обычай христіанъ дарить другъ—другу красное яйцо, въ воспоминаніе крови Христовой и въ знакь нескончаемой радости, которой всѣ мы пріобщимся въ невечернемъ дни царствія Его, и наконецъ это доброе наше обыкновеніе надѣвать нынѣ новыя и чистыя одежды, въ знакъ радости нашей о Воскресшемъ,—все это до того радуетъ нашъ духъ и просвѣтляетъ чувства, что какъ бы видишь здѣсь Самого Христа, неприступнымъ свѣтомъ воскресенія блистающася и слышишь Его Божественный привѣтъ: *радуйтеся* (Матѳ. 28, 9)!»

Вотъ какими свѣтлыми и любопраздственными чинми, какими небесными и боголѣпными ликованіями св. Церковь торжествуетъ нынѣ сей нареченный и святый день, сей праздниковъ праздникъ и торжество торжествъ! Послѣ этого, сами судите бр., хорошо ли намъ, оставивъ нынѣ храмъ Божій, идти туда, гдѣ слышится безчинный разгулъ, да крикъ, нескромныя пѣсни да пляска? Не только не хорошо, даже безчестно и оскорбительно для Пострадавшаго за насъ и Воскресшаго Жизнодавца, ибо этимъ мы потѣшаемъ Его враговъ—діаволовъ, для попранія которыхъ Онъ и сходилъ съ пресвятою Своею душею во адъ.

Наконецъ нельзя, бр., не обратить вниманія и на то, что св. Церковь, въ своей духовной радости, какъ бы недоумѣваетъ, не приберетъ словъ, чтобы достойно ублажить насъ—чадъ своихъ: «людіе Божіи!—взываетъ она,—людіе Божіи святіи! Новаго винограда рожденія! веселимся божественнѣ!» Не такъ ли и плотская мать, лаская чадо свое, не знаетъ, какими бы нѣжными названіями осыпать его. Но справедливо ли и достойно-ли св. Церковь называетъ насъ такими высокими именами? Справедливо и достойно; ибо, послѣ подвиговъ поста и покаянія, истинны христіане дѣйствительно чисты, святы и непорочны. А если Церковь признаетъ насъ теперь святыми, то этаго уже достаточно, что бы мы помнили и не унижали своего высокаго достоинства какими либо неприличными поступками.

И такъ спразднуимъ любопраздственными чинми пасху Божію спасительную, да сподобимся и мы видѣть тотъ вѣчный вождѣленный праздникъ, когда настанетъ новое небо и новая земля и когда Христосъ—вѣчная Пасха наша—воцарится съ избранными своими въ Іерусалимѣ небесномъ во вѣки вѣковъ. Аминь.

Священникъ П. *Ракитинъ*.

О МОРАЛЬНОЙ СТАТИСТИКѢ.

(Окончаніе).

Въ предыдущей статьѣ было показано, что выводъ Кетле о постоянствѣ и равномѣрности явленій соціальныхъ, составляющихъ предметъ моральной статистики, не вполнѣ согласуется съ статистическими данными, приводимыми самимъ Кетле. При этомъ предполагается, что таковыя данныя вполнѣ точны и несомнѣнно выражаютъ дѣйствительное положеніе вещей, подлежащихъ разсмотрѣнію. И могло ли быть иначе? Вѣдь Кетле хотѣлъ ни больше ни меньше, какъ создать новую физику, или механику, т. е. такую же точную и несомнѣнно достовѣрную науку объ общественныхъ явленіяхъ, какую мы имѣемъ о явленіяхъ природы. Не потому ли статистика моральная представлялась ему средствомъ къ созданію новой положительной науки, что она вводитъ насъ въ область фактовъ очевидныхъ, не подлежащихъ ни малѣйшему сомнѣнію. Пока вопросъ о свободѣ, о характерѣ нравственныхъ дѣйствій человѣка былъ предметомъ философскихъ разсужденій, не предвидѣлось конца спорамъ; доказательства pro и contra умножались безъ малѣйшей надежды придти когда либо къ согласному и окончательному рѣшенію вопроса. Иное дѣло опытъ. Факты сами говорятъ за себя, а потому коль скоро наука успѣла овладѣть ими, при помощи индуктивнаго метода, всегда рѣшаютъ съ достовѣрностію, не допускающею ни малѣйшаго сомнѣнія. Однакожъ пресловутая точность опытнаго метода не помѣшала Кетле придти къ такому заключенію, на которое въ сущности факты, приводимые имъ, не давали никакого права. Дѣло въ томъ, что и опытный методъ требуетъ крайней осторожности въ выводахъ. И самыя данныя опыта, т. е. факты, служащіе

основаніемъ для выводовъ, не такъ легко установить какъ кажется на первый взглядъ. Поучительный примѣръ въ этомъ отношеніи представляютъ статистическія данныя объ убійствахъ (во Франціи), приводимыя Кетле. Въ высшей степени изумительнымъ кажется ему то, что, какъ онъ увѣряетъ, даже относительно такого преступленія, каково убійство (meurtre) числа показываютъ туже неожиданную правильность, и тоже постоянство, что и во многихъ другихъ общественныхъ явленіяхъ. Вѣдь преступленіе это совершается большею частію непредвидѣнно, вслѣдствіе распри, о которой увлеченные ею предварительно не имѣли ни малѣйшаго предчувствія. «Не могу не выразить снова своего удивленія,—говоритъ Кетле,—видя постоянство въ результатахъ, ежегодно представляемыхъ документами, относящимися къ администраціи правосудія. Повидимому ничего нѣтъ менѣе правильнаго, какъ совершеніе преступленія; въ особенности ничто казалось бы такъ не должно ускользать отъ всякой предусмотрительности, какъ число убійствъ, ибо преступленія этого рода совершаются вслѣдствіе ссоръ, возникающихъ безъ причины (sans motif), при столкновеніяхъ, повидимому, наиболѣе случайныхъ. Однакожъ опытъ доказываетъ, что не только убійцъ ежегодно бываетъ почти тоже число, но и самыя орудія для совершенія преступленія употребляются въ тѣхъ же пропорціяхъ. Что же сказать въ такомъ случаѣ о преступленіяхъ, которымъ предшествуетъ замыслъ!» Замѣчаніе, выраженное въ этихъ словахъ, неоднократно повторено Кетле и въ разныхъ сочиненіяхъ. Къ сожалѣнію данныя, приводимыя самимъ Кетле, и послужившія основаніемъ для приведеннаго сейчасъ разсужденія, не подтверждаютъ его. Вотъ числа обвиненныхъ въ убійствѣ и въ покушеніи на убійство.

1826 — 297	1833 — 257	1840 — 181
1827 — 287	1834 — 235	1841 — 206
1828 — 269	1835 — 235	1842 — 239
1829 — 301	1836 — 230	1843 — 200
1830 — 239	1837 — 189	1844 — 163
1831 — 363	1838 — 169	среднее
1832 — 320	1839 — 174	(1826—44) 241

Допустимъ, что эти числа выражаютъ дѣйствительное положеніе вещей въ означенные годы (ниже будетъ показано что это далеко не такъ). Ужели можно сказать о числахъ, колеблющихся между 163 и 363, изъ которыхъ одно болѣе чѣмъ вдвое превышаетъ другое, что это почти тѣже числа? Конечно, числа нѣкоторыхъ годовъ согласуются съ утвержденіемъ Кетле, именно числа отъ 1826—28 еще болѣе отъ 1834—36. Но за то другіе годы представляютъ рѣзкое различіе, какъ напр. 1830 — 31, 1832—33. 1836 — 37, 1842—44. Въ 1830 г. мы видимъ число 239, а въ слѣдующемъ 363.—Но нижеслѣдующія замѣчанія показываютъ, что и самыя эти числа требуютъ значительнаго исправленія, дабы имѣть вѣрное сужденіе о фактахъ, подлежащихъ разсмотрѣнію.

До 1832 во французск. отчетѣ уголовнаго судопроизводства, (изъ котораго заимствованы вышеприведенныя числа) подъ рубрикою: *убійство* (Meurtre) исчислялись не только тѣ, которые вполнѣ совершили таковое преступленіе, но также и тѣ, которые были виновны лишь въ покушеніи на убійство, равно какъ и виновные въ нанесеніи тѣлеснаго поврежденія, имѣвшаго своимъ послѣдствіемъ смерть. Это потому, что вторымъ членомъ уголовнаго кодекса (1810 г). дѣйствовавшаго въ то время опредѣлялось: всякое намѣре-

ніе совершить преступленіе, обнаруженное дѣйствіемъ, составляющимъ начало исполненія, коль скоро таковое намѣреніе не было приведено къ концу и не осуществилось вполнѣ только вслѣдствіе обстоятельствъ, независѣвшихъ отъ воли его виновника, должно быть признаваемо равнымъ самому преступленію [1]). Въ виду этого закона не было повода различать совершившееся убійство отъ простаго покушенія на убійство. Въ 1835 г. вмѣсто одной рубрики: *убійство* въ отчетѣ являются двѣ: a) убійство и b) покушеніе на убійство. Впрочемъ юридическаго значенія это раздѣленіе не имѣло, а было сдѣлано лишь въ интересѣ моральной статистики, потому и обозначалось такъ:

Meurtre....

(Tentative de) ...

Несравненно важнѣе явившаяся ранѣе означеннаго раздѣленія 2-мя годами рубрика: *увѣчья и побои, хотя имѣвшія своимъ послѣдствіемъ смерть, но учиненныя безъ намѣренія совершить убійство* (Blessures et coups suivis de mort sans intention de la donner). Раздѣленіе это имѣло значеніе и для судопроизводства, ибо закономъ 1832 г. апрѣля 28 поврежденія и удары, нанесенныя безъ намѣренія совершить убійство, хотя бы имѣли своимъ послѣдствіемъ смерть, постановлено не признавать болѣе убійствомъ, какъ было дотолѣ. Такимъ образомъ что до 1832 г. было признаваемо за одинъ видъ преступленія (убійство) съ 1832—раздѣляется

---

[1]) Toute tentative de crime, qni aura été manifestée par des actes extérieurs et suivie d'un commencement d'execution, si elle n'a été suspendue ou si elle n'a manqué son effet, que par des circonstances indépendantes de la volonté de son auteur, est considérée comme le crime même.

на два (убійство и увѣчья и побои, слѣдствіемъ которыхъ была смерть безъ намѣренія причинить ее)., Явилась цѣлая группа дѣйствій, которыя разсматривались прежде въ судахъ какъ убійство, но теперь уже не признавались таковымъ. Это существенное различіе въ опредѣленіи преступныхъ дѣйствій, установленное закономъ 1832 г., у Кетле не принято во вниманіе, а потому тѣ самыя преступленія (увѣчья и побои...), которыя прежде причислялись къ убійствамъ въ приводимыхъ имъ числахъ убійствъ съ 1832 г. уже не заключаются. Недосмотръ Кетле не можетъ быть оправданъ, но его легко объяснить. Кто задался мыслію создать новую физику, или механику, тотъ естественно расположенъ такъ же относиться къ предметамъ своего изслѣдованія, какъ естествоиспытатель относится съ предметамъ природы; тому не приходитъ на мысль, что въ области понятій, подлежащихъ его разсмотрѣнію, могутъ происходить такія перемѣны, какая произошла во французск. законодательствѣ относительно убійствъ. Обращая исключительное вниманіе на факты, и пренебрегая понятіями, относящимися къ фактамъ, забываютъ, что и самые факты иногда бываютъ зависимы отъ понятій: что̀ въ одно время разсматривалось какъ убійство, то самое въ другое время уже не признается таковымъ.

Итакъ необходимо исправить показанія Кетле. Если мы хотимъ получить данныя для 1833 и послѣдующихъ годовъ, которыя бы соотвѣтствовали суммамъ, сообщаемымъ Кетле изъ годовъ 1826—32, то слѣдуетъ къ числамъ, которыя онъ даетъ для времени отъ 32 г., присоединить еще числа обвиненныхъ въ нанесеніи ранъ и побоевъ, слѣдствіемъ которыхъ была смерть безъ намѣренія причинить оную. Числа эти показаны въ общемъ отчетѣ французск. судопроизводства подлежащихъ годовъ. Здѣсь находятся:

A) числа обвиненныхъ въ совершеніи убійства;

B) числа обвиненныхъ въ покушеніи на убійство;

C) числа обвиненныхъ въ нанесеніи ранъ и побоевъ, слѣдствіемъ которыхъ была смерть.....

D) Наконецъ сумма всѣхъ обвиненныхъ трехъ означенныхъ разрядовъ для каждаго года.

	A.	B.	C.	D.		A.	B.	C.	D.
1833	257		117	374	1839	94	80	202	376
1834	235		156	391	1840	115	66	173	354
1835	132	103	275	510	1841	127	79	186	392
1836	130	100	171	401	1842	152	87	165	304
1837	102	87	192	381	1843	123	77	156	356
1838	113	56	162	331	1844	80	83	121	284

Обвиненные въ нанесеніи побоевъ и поврежденій..., какъ видно изъ этихъ датъ, за 12 лѣтъ (отъ 1833—44) въ общей сложности, составляютъ полныхъ 45 проц. того, что въ общемъ отчетѣ прежнихъ годовъ исчислялось подъ рубрикою: убійство. Слѣдоват. таблица Кетле въ числахъ за 1833—44 представляетъ лишь половину случаевъ, соотвѣтствующихъ тому, что обнимаютъ въ себя числа за 1826—32 гг. Посему если числа, сообщаемыя Кетле, дѣйствительно постоянны, если можно сказать, что они почти тѣже изъ году въ годъ, то самый ходъ событій, обозначаемыхъ ими, какъ не согласный съ ними, не былъ таковымъ, и на оборотъ, если теченіе событій было постоянно, то числа Кетле не таковы, какъ не выражающія подлиннаго состоянія вещей.

Что же мы находимъ на самомъ дѣлѣ? Если мы сравнимъ числа Кетле, начиная отъ 1833 г. и далѣе, съ числами этихъ же годовъ, выше извлеченными изъ отчета, то различіе между тѣми и другими оказывается слѣдующее:

по Кетле:		По присоединении къ тѣмъ числамъ количества обвиненныхъ въ нанесении побоевъ... оказывается:	
1833 — 257	1839 — 174	1833 — 374	1839 — 376
1834 — 235	1840 — 181	1834 — 391	1840 — 354
1835 — 235	1841 — 206	1835 — 510	1841 — 392
1836 — 230	1842 — 239	1836 — 401	1842 — 404
1837 — 189	1843 — 200	1837 — 381	1843 — 356
1838 — 169	1844 — 163	1838 — 331	1844 — 284

Максимумъ (въ числахъ исправленныхъ)—510 (въ 1835 г.), а минимумъ—239, слѣд. первое превышаетъ послѣднее больше чѣмъ вдвое, и потому и въ этомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о тождествѣ и постоянствѣ числъ. Чѣмъ больше числа изъ отдѣльныхъ годовъ, говоритъ Кетле, тѣмъ больше правильность и постоянство ихъ изъ году въ годъ; между тѣмъ числа, сообщаемыя имъ для трехлѣтія отъ 1834—36—235, 235, 230 превращаются, по исправленіи, въ слѣдующія: 391, 510, 401 съ различіемъ одного года отъ другаго, простирающимся до 30 проц.

Но хотя числа, сообщаемыя Кетле изъ 1832-го и послѣдующихъ годовъ, и дополнены выше такимъ образомъ, чтобы они могли соотвѣтствовать числамъ прежнихъ годовъ отъ 1826-го тѣмъ не менѣе все еще нельзя сказать, что въ этомъ отношеніи достигнута желаемыя точность. До 32 г. категоріи побоевъ и ранъ, сдѣланныхъ безъ намѣренія совершить убійство, но причинившихъ смерть, какъ отдѣльнаго вида преступленій не было во французск. юриспруденціи, ибо преступленія этой категоріи, какъ сказано, причислялись къ категоріи убійства. Но извѣстно, что чѣмъ большее наказаніе угрожаетъ виновному въ убійствѣ, тѣмъ осмотрительнѣе выражается признаніе обвиненія въ этомъ пре-

ступленіи. Едва ли можно сомнѣваться поэтому, что многія изъ происшествій, отнесенныхъ по кодексу 1832 г. къ категоріи побоевъ и ранъ, причинившихъ смерть, какъ отдѣльный видъ преступленія, а прежде причислявшихся къ категоріи убійства, или были оправдываемы (въ виду несоразмѣрной строгости наказанія), или же не были признаваемы за убійство. Впослѣдствіи же (т. е. послѣ 32 г.) это если и могло случаться, то значительно рѣже противъ прежняго, такъ какъ за туже вину наказаніе полагалось теперь менѣе тяжолое. Соображеніе это достаточно показываетъ, что моральная статистика не должна быть смѣшиваема со статистикою судебною, что данныя, вполнѣ точныя съ точки зрѣнія послѣдней могутъ оказаться ложными, если разсматривать ихъ съ точки зрѣнія моральной статистики. Судебная статистика имѣла основаніе соединять въ одну группу и убійства, и покушенія на убійство, и тѣлесныя поврежденія, сдѣланныя безъ намѣренія совершить убійство, хотя и причинившія смерть,—ибо за все это полагалось равное наказаніе, но едва ли основательно въ статистикѣ моральной разсматривать означенныя дѣйствія какъ однородныя и подводить подъ одну категорію.

Если мы обратимся къ статистическимъ даннымъ общаго отчета за послѣдующіе годы, начиная отъ 44-го (далѣе котораго не простираются сообщенія у Кетле) и далѣе до ближайшихъ къ намъ годовъ, то увидимъ тоже разнообразіе вмѣсто утверждаемаго Кетле постоянства.

По вышеозначеннымъ рубрикамъ числа этихъ годовъ представляются въ слѣдующемъ видѣ:

	A.	B.	C.	D.		A.	B.	C.	D.
1845	90	84	142	316	1860	69	43	84	196
1846	103	80	122	305	1861	50	41	81	172

1847	87	80	141	308
1848	138	101	164	403
1849	164	165	173	502
1850	155	129	189	473
1851	140	102	167	409
1852	107	102	131	340
1853	116	80	119	315
1854	58	41	81	180
1855	63	48	90	201
1856	63	47	97	207
1857	59	49	69	177
1858	67	66	103	236
1859	84	50	110	244
1862	75	39	130	244
1863	60	49	97	206
1864	95	45	144	284
1865	98	51	131	280
1866	81	46	126	253
1867	101	42	120	263
1868	87	46	142	275
1869	94	41	160	295
1870	103	41	133	277
1871	177	91	154	422
1872	109	69	126	304
1873	105	72	110	287

Такимъ образомъ въ періодъ времени отъ 1835—73 колеблется число обвиненныхъ:

a) въ полномъ совершеніи убійства: между 50 (въ 1861 г.) и 177 (въ 1871 г.);

b) въ покушеніи совершить убійство: между 39 (въ 1862 г.) и 165 (въ 1849);

c) въ совершеніи тѣлесныхъ поврежденій, причинившихъ смерть, безъ намѣренія совершить убійство: между 79 (въ 1857 г.) и 275 (въ 1835 г.).

Обще же число обвиненныхъ по всѣмъ тремъ рубрикамъ измѣняется между 172 (въ 1861 г.) и 510 (въ 1835).

Можно ли говорить въ виду этихъ данныхъ о постоянствѣ чиселъ? Различіе между ними, не менѣе очевидно, если даже взять во вниманіе отдѣльные годы, слѣдующіе одинъ за другимъ напр. числа убійствъ отъ 47—49; отъ 53—54; отъ 61—62 и др. Если сравнимъ между собою числа трехъ рубрикъ каждаго года, то найдемъ, что иногда эти числа относятся какъ 1, 2, 3 т. е. одно вдвое, а другое, втрое больше третьяго числа (напр. въ 1864 г.), иногда же всѣ

три почти равны (напр. въ 1849). Сравнивая числа двухъ категорій (первыхъ) находимъ, что обвиненныхъ въ совершеніи убійства обыкновенно больше чѣмъ обвиненныхъ въ покушеніи на убійство, но встрѣчается также и обратное отношеніе (напр. въ 1844—49), т. е. послѣднихъ больше чѣмъ первыхъ. Словомъ, въ какихъ бы отношеніяхъ мы ни разсматривали представленныя выше числа, вмѣсто постоянства и равенства, мы находимъ напротивъ величайшее разнообразіе.

Замѣчательно въ представленной выше таблицѣ уменьшеніе числъ въ 50-хъ годахъ. Уменьшеніе столь значительное и внезапное, что невольно является вопросъ: отъ чего оно произошло? Явленіе это объясняется двумя полицейскими постановленіями. Однимъ изъ этихъ постановленій (Décret sur les Cafés, Cabarets et autres Débits de boissons à consommer sur place 1851 г. 29 дек.), подъ угрозою денежнаго штрафа отъ 25 до 500 франковъ и заключенія въ тюрьму отъ 6-ти дней до 6-ти мѣс., дозволялось открытіе распивочныхъ заведеній не иначе, какъ съ разрѣшенія правительственныхъ учрежденій. Поводомъ къ такому постановленію послужили безпорядки, происходившіе вслѣдствіе чрезмѣрнаго изобилія означенныхъ заведеній на открытыхъ мѣстностяхъ. Вліяніе этой мѣры оказалось на числѣ жалобъ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ и побояхъ. Другимъ законодательнымъ актомъ, значительно измѣнившимъ результаты франц. криминальной статистики, въ особенности относительно убійствъ, который однакожъ собственно Франціи (въ географическомъ смыслѣ) совершенно не касался, былъ законъ 1853 г, іюня 10 о запрещеніи права ношенія оружія въ Корсикѣ (подъ угрозою за нарушеніе закона денежнаго штрафа отъ 16 до 500 фр. и заключенія въ тюрьму отъ

1 мѣс. до 1 г.). Правило это установлено на пятилѣтній срокъ, но по истеченіи этого времени снова удержано для слѣдующихъ пяти лѣтъ. Но могла ли эта мѣра, принятая лишь для одной мѣстности, такъ измѣнить результаты французской криминальной статистики относительно убійствъ?

Дѣло въ томъ, что въ первой половинѣ нашего столѣтія именно Корсикѣ принадлежало наибольшее участіе въ результатахъ французск. криминальной статистики относительно убійствъ (Meurtre и Assassinat). Корсика и Сенскій департаментъ въ означенное время давали наибольшій процентъ уголовныхъ преступниковъ сравнительно съ числомъ населенія. Но въ Сенскомъ департаменѣ всего чаще случались воровство и различные виды мошенничества, напротивъ въ Корсикѣ убійство было обычнымъ преступленіемъ. Тогда какъ въ цѣлой Франціи, въ періодъ времени отъ 1826—50 г., съ сложности, ежегодно приходился одинъ обвиненный въ уголовномъ преступленіи на 4568 г. населенія, въ Корсикѣ одинъ приходился всего на 1672. Во Франціи обвиненные въ преступленіи противъ личности за тотъ же періодъ времени составляли только 30 проц. изъ всей массы уголовныхъ преступниковъ, между тѣмъ въ Корсикѣ той же категоріи обвиненныхъ было 83 проц. Нужно при этомъ взять во вниманіе, что благодаря географическимъ и инымъ условіямъ, нигдѣ такъ много преступниковъ не ускользало отъ судебнаго преслѣдованія, какъ именно въ Корсикѣ, а потому въ судебномъ отчетѣ, гдѣ исчислены только обвиненные предъ судомъ, представлены конечно не полныя числа дѣйствительныхъ преступниковъ.

Что въ корсиканскомъ населеніи въ означенное время убійство было обычнымъ явленіемъ, это объясняется существовавшимъ тамъ обычаемъ кровавой мести, а также обы-

кновеніемъ корсиканцевъ носить всегда при себѣ оружіе; вслѣдствіе этого обыкновенія, при свойственномъ имъ темпераментѣ, и незначительныя ссоры оканчивались убійствомъ Въ свою очередь обычай носить оружіе поддерживался тѣмъ, что разбойничество всегда составляло тамъ (какъ и во всей Италіи) закоренѣлое и трудно истребимое зло. Французское правительство съ 1851 г. предприняло энергическія мѣры противъ укоренившейся безурядицы на Корсикѣ, каковы: преслѣдованіе за неявку въ судъ, истребленіе разбойническихъ шаекъ; къ этимъ же мѣрамъ принадлежитъ и запрещеніе носить оружіе.

О послѣдствіи этихъ мѣръ всего лучше можно судить по слѣдующимъ числамъ:

Годы.	Числа обвиненныхъ по приговорамъ аззискаго корсиканскаго суда.		
	Общее число обвиненныхъ по приговору суда.	Числа обвиненныхъ по приговору суда.	
		За умышленное убійство assassinat [1]).	За произвольное убійство (meurtre [1]).
1849	235	45	116
1850	194	55	72
1851	200	70	80
1852	190	53	76
1853	184	66	64
1854	119	34	28

[1]) 296-й членъ французск. уголовнаго кодекса опредѣляетъ: Tout meurtre commis avec premeditation ou de guet-apens est qualifié *assassinat*.

[11]) 295 членъ тогоже кодекса гласитъ: L'homicide commis *volontairement* est qualifié *meurtre*.

1855	78	26	16
1856	127	29	10
1857	83	20	13
1858	111	34	19
1859	115	39	21
1860	88	15	14

Дабы оцѣнить по достоинству это пониженіе чиселъ, надобно имѣть въ виду, что число неявившихся въ судъ въ тоже время значительно уменьшилось. Въ 1851—55 годахъ сверхъ обвиненныхъ, присутствовавшихъ на судѣ, неявившихся было свыше 226, слѣдовательно болѣе 45-ти среднимъ числомъ въ годъ, въ слѣдующіе за тѣмъ 5 лѣтъ (1856—60) совокупное число неявившихся было всего 33, а въ теченіи всего дальнѣйшаго пятилѣтія (1861—65) не явилось только два

Послѣ всего сказаннаго легко изъясняется то уменьшеніе количества обвиненныхъ въ убійствѣ, которое дѣлается замѣтнымъ въ результатахъ французской криминальной статистики въ первой половинѣ 50 хъ годовъ. Остается присоединить къ этому, что упомянутое уменьшеніе еще потому представляется столь необыкновеннымъ, что ему предшествовало столь же необыкновенное возвышеніе чиселъ въ прежніе годы (1848, 49, 50, 51); послѣднее же объясняется тогдашнимъ политическимъ возбужденіемъ, потрясеніемъ государственнаго порядка, точно также какъ послѣдовавшія затѣмъ энергическія мѣры къ успокоенію страны, принятыя новымъ правительствомъ, должны были имѣть своимъ послѣдствіемъ противоположный результатъ—т. е. уменьшеніе количества уголовныхъ преступниковъ, что мы и видимъ дѣйствительно въ первой половинѣ 50-хъ годовъ.

Нужно ли еще упоминать, что при этомъ дѣйствовали наконецъ и другія, именно экономическія, причины [1]).

Общій выводъ, къ которому Кетле пришолъ вслѣдствіе своихъ статистическихъ наблюденій, какъ мы видѣли, тотъ, что числа преступленій изъ году въ годъ остаются почти равными. Этотъ выводъ онъ повторяетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ неоднократно и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Онъ не могъ говорить не употребляя сильныхъ выраженій объ этой правильности, которая представая ему чѣмъ то крайне изумительнымъ, непостижимымъ, смущающимъ нашъ умъ (quelque chose de mystérieux, qui confond notre intelligence), объ этой ужасающей точности съ какою воспроизводятся преступленія (effrayante exactitude, avec laquelle les crimes se reproduisent), объ этой печальной перспективѣ, о печальномъ положеніи, въ которое мы переходимъ изъ года въ годъ, зная напередъ сколько людей снова запятнаетъ свои руки кровью ближнихъ и т. д. Но собственно изумительнымъ нужно признать не то постоянство, которое Кетле будто бы открылъ и котораго на самомъ дѣлѣ нѣтъ, но то, съ какимъ онъ изъ году въ годъ настаивалъ на своемъ открытіи [2]). Въ сочиненіи Sur l'homme vol. 1 pp.

---

[1]) Достаточно замѣтить, что въ 1847 и 48 г. было необычайное плодородіе винограда. Напротивъ въ началѣ 50-хъ годовъ надъ французскимъ винодѣліемъ разразился кризисъ, вслѣдствіе особой болѣзни, поразившей въ это время виноградники. А извѣстно что состояніе винодѣлія, какъ это давно замѣчено, во Франціи сильно вліяетъ на результаты криминальной статистики.

[2]) Нетрудно показать ошибочность заключенія, сдѣланнаго Кетле относительно орудій преступленія, какъ это уже показано относительно самихъ преступленій. Онъ говоритъ, что даже орудія для совершенія преступленій употребляются ежегодно въ

89 (1835) онъ говоритъ: «это постоянство, съ какимъ тѣ же преступленія воспроизводятся ежегодно въ томъ же порядкѣ, и влекутъ за собою тѣже наказанія, въ тѣхъ же пропорціяхъ, есть одинъ изъ фактовъ наиболѣе интересныхъ, о которыхъ мы узнаемъ изъ судебной статистики; этотъ фактъ я особенно старался поставить на видъ въ моихъ различныхъ сочиненіяхъ. Я не переставалъ повторять ежегодно, что есть бюджетъ, который уплачивается съ правильностію ужасающею, это именно бюджетъ тюремъ, остроговъ и эшафотовъ.—И каждый годъ числа подтверждаютъ то, что я предвидѣлъ (mes prévisions), въ такой степени, что я могъ бы сказать, быть можетъ, съ наибольшею точностію: есть дань, которую человѣкъ уплачиваетъ съ большею правильностію, чѣмъ дань природѣ или государству,—это дань, которую онъ уплачиваетъ преступленію.»—Въ 1846 г.

тѣхъ же пропорціяхъ (les instrumens qni servent à les (meurtres) commettre sont employes dans les mêmes proportions). Но чтобы видѣть, насколько это утвержденіе вѣрно, достаточно не многихъ фактовъ изъ числа тѣхъ, которые указываются самимъ Кетле. Въ 1826 г. общее число убійствъ было 241; при этомъ пистолетъ былъ употребленъ въ 56 случаяхъ, напротивъ въ 1831 году при 266 убійствахъ—88 разъ тоже орудіе послужило средствомъ къ преступленію. Камни въ 1831 г. изъ общаго вышеозначеннаго числа убійствъ послужили орудіемъ преступленія при 9-ти; напротивъ въ 1828 г. при 21-мъ, хотя общее число убійствъ въ этомъ году было меньше: 227. Совершенно ложнымъ оказывается предположеніе Кетле, такъ настойчиво и многократно выраженное имъ, и тогда, если мы возьмемъ во вниманіе совокупное число обвиненныхъ въ преступленій изъ каждаго года въ отдѣльности. Въ этомъ отношеніи, для краткости, достаточно замѣтить, что рядъ чиселъ отъ 1825—73 г. колеблется между 4154 и 8704. Разница между двумя крайними числами такъ велика, что о постоянствѣ ихъ не можетъ быть рѣчи.

онъ писалъ: «я показалъ, что тѣже преступленія воспроизводятся ежегодно въ томъ же числѣ, и влекутъ за собою наказанія въ тѣхъ же пропорціяхъ. Это наблюденіе я сдѣлалъ съ 1829 г. Многіе этому не вѣрили, однакожъ, послѣ опыта девятнадцати годовъ, оно оказалось теперь вполнѣ подвердившимся. «Наконецъ уже въ 1869 и 1870 г. онъ въ томъ же тонѣ повѣствуетъ:» за сорокъ лѣтъ предъ этимъ, два годовыхъ уголовностатистическихъ изданія французскаго министерства юстиціи были для меня достаточны для того, чтобы открыть точное воспроизведеніе преступленій (reproduction fidèle des crimes), дабы найти тѣ поразительныя истины, которыя мы теперь знаемъ. Высокоуважаемые въ научномъ отношеніи люди, какъ Villermé и Benoiston de Chateuneuf, особенно послѣдній, сдѣлали мнѣ замѣчанія насчетъ поспѣшоости моихъ утвержденій. Но послѣ доказательствъ, обнимающихъ 14-ть лѣтъ, я имѣлъ удовольствіе видѣть, что Беноастонъ де Шатоне пришелъ къ тому же убѣжденію, къ которому пришелъ и я уже 10 лѣтъ назадъ тому. И нынѣ я не вижу нужды измѣнять какое либо изъ заключеній, къ которымъ меня привелъ этотъ опытъ (назадъ тому 40 л.) полный интереса и столько поучительный относительно познанія человѣка. «Physique sociale II, 141.

Удивительно это постоянство, съ какимъ Кетле утверждалъ, повторяющееся будто бы изъ года въ годъ, равенство чиселъ уголовной статистики—потому, что прежде всего такого равенства на самомъ дѣлѣ далеко не оказывается, а потомъ представляется непонятнымъ, отчего вниманіе Кетле было обращено исключительно въ эту сторону. Вѣдь что собственно интереснаго заключаютъ въ себѣ статистическія таблицы? Прежде всего конечно важно само по себѣ положительное знаніе о дѣйствительномъ состояніи вещей

въ то или иное время, о которыхъ сообщаетъ точныя свѣдѣнія криминальная статистика. Но едва ли не предубѣжденный взглядъ найдетъ что либо удивительное въ томъ, въ какомъ видѣ эти числа статистическихъ таблицъ являются изъ года въ годъ, какъ измѣняются, возвышаются и упадаютъ. Вѣдь и не справляясь съ статистикою, трудно представить, чтобы эти числа изъ года въ годъ безмѣрно различались, что действительно было бы изумительнымъ. Если же въ теченіи друхъ трехъ лѣтъ числа мало измѣнились, то что въ этомъ особенно удивительнаго?—Когда намъ постоянно говорятъ объ удивительномъ согласіи и правильности, то естественно ожидать, что мы встрѣтимъ лишь съ незначительными и рѣдкими исключеніями повтореніе изъ году въ годъ тѣхъ же чиселъ, а вмѣсто этого мы видимъ, что наоборотъ только иногда бываютъ и такіе годы, которые мало различаются между собою по числамъ. Возможно ли послѣ этого возводить въ нѣкоторый таинственный законъ согласіе чиселъ и игнорировать при этомъ различія, какъ если напр. въ общей сложности числа одного года превосходятъ числа другаго на 500, 1000 и болѣе? Разсматривая рядъ чиселъ, представляемыхъ статистикою, скорѣе всего приходится останавливаться съ особеннымъ вниманіемъ не тамъ, гдѣ одинъ годъ мало различается отъ другаго, но гдѣ является значительное различіе въ небольшой относительно промежутокъ времени. Здѣсь то именно является нѣчто, нельзя сказать—удивительное, непонятное, но по крайней мѣрѣ требующее объясненія. Если я напр. вижу, что въ 1832 г. совокупное число обвиненныхъ было 8200, а два года прежде и послѣ этого только 6900 (круглымъ числомъ); если при 1847 г. нахожу число 8700, между тѣмъ какъ при 1845 г. число 6600, или если при 1851 г. пока-

зано число 7500, а при слѣдующемъ 55-мъ только 6400, то невольно является вопросъ: какъ это могло случиться? Или когда въ 1869—послѣднемъ году до войны съ Пруссіею нахожу 4189, а въ 1872—первомъ году послѣ войны—напротивъ 5498, то это представляется заслуживающимъ вниманія.

А что значительныя перемѣны въ числахъ дѣйствительно требуютъ объясненія и предполагаютъ особыя причины, вызвавшія ихъ быстрое возвышеніе или пониженіе, это мы видѣли выше при объясненіи причинъ, по которымъ произошло замѣтное уменьшеніе числъ во французск. криминальной статистикѣ 50-хъ годовъ. Объясненіе это, показавъ всю несостоятельность увѣреній Кетле въ томъ, что будто числа уголовной статистики изъ году въ годъ остаются неизмѣнными, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность судить и о томъ, насколько можно признать теорію о зависимости отдѣльнаго лица въ его дѣйствіяхъ отъ общества. «Опытъ,—говоритъ Кетле,—доказываетъ со всею возможною очевидностію то мнѣніе, которое можетъ показаться на первый взглядъ парадоксальнымъ, что общество подготовляетъ преступленіе и что преступникъ есть не болѣе какъ орудіе, которое его исполняетъ.» (c'est la société qui prépare le crime et que le coupable n'est que l'instrument qui l'exécute). Цитируя это мѣсто, тоже самое повторяетъ и Бокль. «Преступленіе человѣка,—говоритъ онъ,—есть результатъ не столько пороковъ единичнаго преступника, сколько состоянія самаго общества, въ которомъ находился этотъ отдѣльный преступникъ. Мнѣніе это можетъ быть допущено лишь въ томъ смыслѣ, что дѣйствительно въ каждомъ обществѣ всегда найдется извѣстное количество людей, наиболѣе способныхъ подпасть вліянію причинъ, благопріят-

ствующихъ совершенію извѣстнаго рода преступленій? Но почему именно эти, а не другія лица бываютъ увлечены вліяніемъ таковыхъ причинъ или условій,—это уже зависитъ главнымъ образомъ, отъ ихъ личныхъ свойствъ и склонностей. Слѣдовательно личный характеръ преступника также имѣетъ свое значеніе въ совершеніи преступленія. Кромѣ того, говоря о зависимости преступныхъ дѣйствій отдѣльнаго человѣка отъ даннаго состоянія общества, забываютъ обыкновенно, что отдѣльныя же лица своими дѣйствіями и самое это состояніе измѣняютъ, такъ что, завися отъ общества, человѣкъ нѣкоторымъ образомъ отъ себя же самаго зависитъ, насколько онъ дѣятельно участвуетъ въ измѣненіи общественнаго состоянія въ томъ или иномъ направленіи. Вѣдь общество не есть ни случайное собраніе индивидуумовъ, индиферентныхъ другъ къ другу, ни безразличная, безусловно дѣйствующая, поглащающая всякую единичную волю, натуральная сила. Оно есть организмъ, а во всякомъ организмѣ каждый отдѣльный членъ, будучи связанъ съ цѣлымъ, въ тоже время имѣетъ и самостоятельное значеніе, свой особый кругъ дѣйствія. Между тѣмъ кто мечтаетъ о созданіи такъ называемой соціальной физики очевидно преувеличиваетъ значеніе общества въ ущербъ личности, представляя общество какъ натуральную силу, безусловно господствующую надъ дѣятельностію каждаго единичнаго лица. Отсюда, т. е. изъ такого взгляда на общество, проистекаетъ далѣе стремленіе къ уравненію всѣхъ его членовъ, что въ свою очередь ведетъ къ нетерпимости, къ отрицанію правъ личности на свободу и индивидуальное развитіе. Нельзя не признать такое стремленіе разрушительнымъ для самаго общества, ибо очевидно общество можетъ процвѣтать только при томъ условіи, если въ немъ каждая отдѣльная личность

сознаетъ себя свободною и потому отвѣтственною за свои дѣйствія и стремленія. Однако изъ того, что съ моральною статистикою соединяются ложныя понятія и слишкомъ поспѣшные и легкомысленные выводы не слѣдуетъ, что она не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого научнаго значенія въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся нравственной дѣятельности человѣка. Къ содержанію нравственнаго ученія, которое дано намъ въ христіанствѣ, статистика ничего не можетъ прибавить. Но она можетъ дать намъ наглядное знаніе объ осуществленіи въ жизни общественной нравственныхъ идей и стремленій, т. е. самой дѣятельности нравственной, обнаруживая въ извѣстной мѣрѣ нравственное состояніе общества въ данное время. Наука о нравственности или этика до сихъ поръ почти исключительно ограничивала свое изслѣдованіе нравственною дѣятельностію единичной воли, показывая чѣмъ долженъ быть человѣкъ, каковъ истинный идеалъ нравственнаго совершенства, и какимъ образомъ должно стремиться къ осуществленію его въ жизни, но она почти не обращала вниманія на развитіе нравственной дѣятельности въ обществѣ. Если безспорно то, что дѣятельность отдѣльнаго лица зависима отъ состоянія общественной жизни, то и нравственность личная должна разсматриваться въ связи съ нравственностію цѣлаго общества. Вѣдь промыслъ Божій, руководящій человѣка на пути нравственнаго совершенства, не только единичную волю, но главнымъ образомъ цѣлый народъ въ его совокупности, и даже все человѣчество, направляетъ къ совершенію неисповѣдимыхъ судебъ міроуправленія. Христіанская церковь, какъ общество вѣрующихъ, есть цѣлостный организмъ, предназначенный къ нравственному возрожденію и воспитанію *обществъ* человѣческихъ, слѣдовательно сама церковь не разъединяетъ отдѣльнаго че-

ловѣка въ его нравственной жизни отъ общества, напротивъ стремится связать всѣхъ союзомъ любви къ Богу и ближнему. Посему и наука должна разсматривать нравственную дѣятельность отдѣльнаго лица не саму по себѣ, а въ связи съ нравственнымъ состояніемъ общества. Для соціальной этики или науки объ общественной нравственности моральная статистика дѣйствительно можетъ оказать важныя услуги, будучи для нея пособіемъ. Она можетъ такимъ образомъ послужить къ созданію не соціальной *физики*, а соціальной *этики*.

П. Линицкій

Каждый подписчикъ 1878 года получитъ шесть премій, а именно: I. Альбомъ русскихъ дѣятелей и героевъ настоящей войны (20 гравир. портретовъ, на толстой атласной бумагѣ, съ біографіями) II. Экранъ для камина съ тремя фигурами (шелкъ, шерсть, канва и узоръ). III. Плато подъ лампу, большое (круглая съ тиснеными ажурными краями серебряная канва, парусъ и узоръ). IV. Скамейка для ногъ (канва, шерсть и узоръ въ персидскомъ вкусѣ). V. Салфетка для сухарницы (канва Ява съ бахромой, гарусъ и узоръ). VI Пара манжетныхъ запанокъ черепаховыхъ инкрустированныхъ золотомъ и перламутромъ.

Внесшимъ или приславшимъ подписныя деньги до 1-го января, преміи будутъ отправлены въ январѣ;—до 1-го февраля—въ февралѣ и т. д. Годовые подписчики безъ премій, желающіе получить альбомъ, благоволятъ заявить свое желаніе не позже 1-го декабря съ приложеніемъ 1 руб. на укупорку и пересылку альбома. Всѣ шесть премій высылаются одновременно—посылкою.

46-ти лѣтняя извѣстность журнала можетъ служить гарантіей аккуратнаго и точнаго выполненія настоящей программы.

Для служащихъ допускается разсрочка по третямъ; для неслужащимъ—по соглашенію.

Условія подписки: На годъ безъ премій 7 руб. (безъ перес. 6 р. На полгода безъ премій 4 р. (безъ перес. 3 р. 40 к. На 3 мѣсяца безъ премій 1 р. 80 к. (безъ перес 1 р. 40 к. Съ преміями 5 руб. дороже. На укупорку премій Редакція проситъ выслать 40 к. (марками).

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала »*Ваза*«.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“

Въ 1878 году (годъ десятый) будетъ издаваться ежемѣсячными книжками не менѣе семи печатныхъ листовъ, съ политипажами въ текстѣ и отдѣльными картинами, Годовое изданіе составитъ два тома, около 45 листовъ каждый Журналъ «Дѣтское Чтеніе» одобренъ: Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, для библіотекъ начальныхъ и уѣздныхъ училищъ и женскихъ гимназій и прогимназій, Главн. Управл. Военно-Учебн. заведеній для возрастныхъ библіотекъ младшихъ классовъ военныхъ гимназій и прогимназій, V отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи для классныхъ библіотекъ женскихъ учебн. заведеній и Учебнымъ Комитетомъ при Св. Сунодѣ для училищъ и фундаментальныхъ библіотекъ духовныхъ семинарій. Выборъ статей принаровленъ для чтенія дѣтей отъ 10 до 14 лѣтняго возраста. При журналѣ, въ видѣ отдѣльнаго приложенія, издается Педагогическій Листокъ (для родителей и воспитателей).—Большая часть статей посвящается начальному образованію и домашнему воспитанію. Разбору педагогическихъ и дѣтскихъ книгъ удѣляется значительное мѣсто. Кромѣ тѣхъ сотрудниковъ, которые принимали участіе въ 1877 году, примутъ участіе слѣдующіе лица: А. Н. Бекетовъ (проф.), Е. А. Бекетова, А. Н. Бехтеръ, А. Д. Бутовскій, Д. В. Григоровичъ. А. Я. Гердъ, В. Н. Жукъ, В. Э. Иверсенъ, А. Н. Канаевъ. П. Ф. Лесгафтъ (проф.), И. М. Прянишниковъ, Свящ. В. А. Пѣвцовъ, Ф. Ф. Резенеръ, О. Н. Рыжова, С. И. Смирнова (Сазонова), А. Н. Страннолюбскій, В. Д. Сиповскій и др. Въ художествен-

номъ отдѣлѣ примутъ постоянное участіе художники: И. С. Пановъ, А. Д. Кившенко; граверы: Гогенфельденъ, М. Н. Рашевскій, Бруно-Брауне, В. Б. Матэ. Такъ какъ съ 1878 года Редакція надѣется время отъ времени давать музыкальныя приложенія, то и озаботилась приглашеніемъ къ участію въ этомъ отдѣлѣ слѣдующихъ лицъ: Н. Ѳ. Соловьева (проф. конс.), П. А. Римскаго Корсакова (проф. конс.) Г. А. Маренича (преп. конс.), Н. П. Брянскаго и Л. Б. Саккетти и др.

Подписная цѣна на 1878 годъ: безъ доставки 5 р.; съ дост. и перес. 5 р. 75 к. За Педагогическій Листокъ прилагается особо 1 руб.

Подписка принимается въ Конторѣ редакціи (уголъ Казанской и Вознесенскаго, д. № 45—15). За прежніе года 1871, 1872, 1873, 1874 и 1875 г.) «Дѣтское Чтеніе» (два тома въ годъ) продается: въ бумажкѣ 3 р., въ папкѣ 3 р. 60 к., въ переплетѣ 4 р., за каждый годъ. Пересылка за 6 ф., а въ папкѣ и перепл. за 7 ф. За 1876 г. цѣна 5 руб., переплетѣ 6 руб. пересылка за 8 фунтовъ по разстоянію. Съ выходомъ 12 № за 1877 г. цѣна за 1877 г. 6 рублей, въ переплетѣ 7 р. 60 коп. и пересылка за 8 фунтовъ по растоянію. За 1869 и 1870 года все изданіе журнала распродано.

Печатать дозволяется. 14-го Апрѣля 1878 г. Цензоръ Протоіерей М. Богдановъ.
Типографія С. В. Кульженко, Мало-Житомірская улица, домъ № 83.